

2 ЧУДО

Вокруг нашего дома снег белый. Родители говорят, странно было бы, если б он был розовым: они работают чистильщиками и, конечно, знают, как избавиться от розового налёта.

Но чем больше я удалялся от дома, тем розовее становился снег. Изредка попадались и зелёные прожилки. Бросая на них опасливые взгляды, я осторожно объезжал их.

Все мальчишки в нашем рабочем классе любят такое соревнование: нужно подползти к краю булькающей прожилки и швырнуть в самый центр сухую. Это сложно и страшно опасно, ведь каждую секунду снег под тобой может обрушиться и ты полетишь туда – в страшную зелёную жижу, которая только что поглотила с шипением свою засохшую сестру. Прожилки не слишком широкие, с ладонь, но, разъедая что-то или кого-то, они расширяются, углубляются, а потом снова сужаются. В учёном

классе делалось предположение, что прожилки — живые существа, однако доказали обратное.

Мама мечтает, чтобы я учился в учёном классе.

— Мы с отцом окончили рабочий класс, — говорит она, замешивая тесто, — и это не та судьба, которой я хотела бы для тебя, сынок. Учёный — вот кем нужно стать. Тем более в нашем круге, здесь, где учёные много лет назад открыли удивительные свойства лагриума!

Папа обычно хмыкает — мол, наши учёные только лагриум и открыли. Это произошло, ещё когда родители были маленькими. Тогда дома строили из снежных плит, как в глубокой древности. Папа иногда вспоминает, как помогал своему отцу рыть коридор в снежную хижину. Ветер дул страшный, зато крепче уплотнялись блоки. А потом добытки Восточного круга привезли им лагриум — прозрачное, как слеза, полезное ископаемое, и наши учёные обнаружили, что из него можно делать всё. Дома, одежду, мебель, посуду, даже еду! Папа сказал, что в древние времена люди использовали нефть. Но после вспышки лишающей болезни никто даже вспомнить не мог, где её добывали. Так что лагриум всех спас, да и дома из него получались лучше, чем из снега.

— Только после этого открытия никто из учёных ничего важного не открыл, — качает головой папа. — Они теперь толпятся в лабораториях и Оранжерее, ищут новые способы победить розовый снег или справиться с последствиями лишающей болезни. Но толку-то!

— Зато они умные! — возражает мама.

— Умные до тех пор, пока шкаф дома не сломался, — усмехается папа. — Если хоть одна кнопка на пульте не работает, ничего сделать не смогут. Будут стоять с вытаращенными глазами и ждать рабочего. Они зависят от нас, парень, — добавляет папа, когда мама отходит к плите — перевернуть оладьи из труста, — поэтому я несколько не жалею, что стал рабочим.

Мне тоже нравится учиться в рабочем классе.

Мы более выносливые, чем учёные. Больше знаем о вещах и предметах. Да и руками я работать люблю. Папа мне целый верстак для поделок устроил. Особенно мне нравится делать животных, таких как на картинках в древних книгах.

И уроки в нашем классе интересные. Ночная езда, например. Пока все спят, мы едем за преподавателем, слушаем лес, присматриваемся, про-

веряем, везде ли всё в порядке. Прожилки ночью гаснут, и это так приятно — мчаться и мчаться вперёд и не думать о том, чтобы объезжать нечто страшное, опасное и чавкающее. Поговаривают, Большой Цоер надеется, что благодаря таким урокам у нас на лбу вырастут фонари. Свои, естественные, чтобы электричество не тратить. Но это, конечно, шутка.

Урок ночной езды я вспоминаю с благодарностью ещё и потому, что на нём познакомился с Чойри.

Я ехал, ехал, и вдруг мне показалось, что я слышу пение птицы. Даже не пение — щёлканье. Я остановился, воткнул палки в снег, прислушался. Если где-то и правда щёлкает птица, её надо найти. Из Оранжереи иногда улетали птицы или убегали животные. Но в нашем климате, как сказал папа, пока научились жить только талюки. И то под присмотром Чойри. Так что птицу следовало поймать и отдать зверологам в Оранжерею.

Я дождался, пока мои шумные одноклассники отъедут подальше. За их криками и болтовнёй совсем невозможно было что-то расслышать. Когда всё стихло, я достал фонарик. Птицы не было. Я долго водил фонарём туда-сюда, пока у меня

не села батарейка. Эх, а ведь мама предупреждала: «Заряди подольше!» И компас я забыл. Жаль, у родителей нет денег на рацию...

Оказавшись в темноте, я двинулся дальше. Надо было нагнать своих.

Быстрее, быстрее! Но группы не было слышно.

Я понял, что отстал. Инструкция на этот случай такая: стоять на месте и ждать преподавателя. Но в тот раз наш учитель заболел, и класс вёл рассеянный старик Трёмлин, глава класса учёных. Он мог обнаружить пропажу ученика только поутру. И я принял решение. Понёсся во весь дух! Всё равно где-то уткнусь в Гору.

Ехать в полной темноте — странное дело, примерно как есть с закрытыми глазами. Я мчался, но не ощущал скорости. Изредка попадались деревья, и я всё ждал, когда они закончатся, когда уже будет наша Гора.

Вдруг меня осветил фонарик, потом раздался крик, и кто-то бросился на меня всем телом.

Я рухнул, закричал, а кто-то вдавил меня в снег и ещё немного проехал на мне, как на санках. А потом санки, то есть я, остановились. Фонарик включился снова. И я опять заорал. Потому что увидел над собой одноглазого человека.

— Чойри, Чойри, — повторял он встревоженно, глядя в меня, — я пастух Чойри, не бойся!

Он осторожно слез, но крепко держал меня за рукав куртки. Потом луч фонарика скользнул вперёд, и я закричал в третий раз. Мы чуть-чуть не доехали до пропасти. Полметра. Я рухнул бы туда камнем.

Чойри подал руку, и мы отошли от страшного места. Оказалось, я ехал в противоположном направлении! Не от Розового леса к горе и школе, а сквозь лес — к пропасти... Знала бы мама!

Потихоньку мы добрались до дерева, за которым виднелась стоянка Чойри. Дерево было хвойным. Шишки торчали свечками. Я сразу его узнал. Пихта — одно из немногих названий, которые сохранила наша память. Остальным растениям придумали новые имена: тарута, труст, карот.

Тогда же я впервые увидел стадо Чойри. Талюки мирно посапывали на дереве. Маленькие, похожие на клопов-пожарников из учебника по энтомологии, только не красные, а фиолетовые. Наш энтомолог, учитель Грейфи, рассказывал с восторгом, что талюки — единственный вид жуков, который обитает в нашем Северном круге, советовал к ним наведаться, но кому нужны жуки, кроме

Грейфи. И вот, как выяснилось, одноглазого па-
стуха.

Чойри осветил дерево со всех сторон, выдох-
нул и указал мне на камень у пихты.

— Ну что? — спросил он, усаживаясь напротив.

— Меня зовут Дин, мне двенадцать зим, — на-
чал я, и так мы подружились.

Я со временем привык к тому, что у него один
глаз, и совсем не замечал этого, особенно когда
мы вели долгие душевные разговоры за чашкой
орехового молока.

Вот и сегодня он уже издали заметил меня
и помахал пустым чайником. Чойри нацепил зе-
лёную шапку с зелёным помпоном. Мама гово-
рит, только недалёкие люди могут носить столько
зелёного цвета, когда весь наш мир пытается из-
бавиться от зелёных прожилок.

— Э-ге-гей! — я не сдержался и крикнул в сто-
рону Розового леса.

Деревья дрогнули, и розовый снег кое-где кра-
сиво осыпался на землю.

— Э-ге-гей! — радостно прокричал Чойри. —
Приехал! Молодец! Покажу тебе чудо!

Стоянка Чойри — плита из красного камня.
Посередине плиты горел костёр, обложенный

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

камешками поменьше, а на краю высился навес из старой ткани, под которым Чойри спал ночью. Я торопливо сбросил лыжи и оставил их у подножия стоянки.

— Ну, где чудо?

— Обогрейся сначала!

— Ладно!

Я шагнул на плиту, протянул руки к огню, ощутил на ладонях его горячее дыхание.

— Тебе сюда нужно электричество, Чойри!

— Зачем? — засмеялся он. — Чтобы мне дали пульт? Но у меня нет шкафа, только пихта с талюками!

— Ну правда! У тебя ужасно холодно.

— Скоро согреешься, — пообещал Чойри, — утром я нашёл орешки майты. Это самый жирный и вкусный орех. Я уже растолок его, сейчас растоплю снег и залью водой.

— Где ты их нашёл? — поинтересовался я.

— В лесу есть одно место. Там всегда чисто и светло. Солнца много. И снег — белый-белый. Без прожилок.

— Солнца и тут много, — пожал я плечами, — а вот почему там снег белый? Да ещё и без прожилок.

— Бог любит это место, — просто ответил Чойри, — так говорила моя мама. Поддай-ка мне вон то ведро.

— Будешь поить меня растопленным розовым снегом? — усмехнулся я, а про себя подумал: «Вот мама-то обрадуется».

— Нет, он белый! Правда-правда. Он тоже из того места. Где растёт майта. Посмотри!

Я заглянул в ведро — и правда белый.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Чойри. — Пошли чудо смотреть?

Он бросил взгляд на поляну, посреди которой высилась голубоватая пихта. Папа говорил, что в стародавние времена пихты были огромными, а эта — не выше Чойри.

— Твоё чудо — талюки? — сообразил я.

— Да!

— А-а-а...

Я был слегка разочарован. Я думал, Чойри нашёл какое-нибудь необычное дерево или, например, синий снег. А талюки... У меня есть вопросы поважнее.

— Подожди, — сказал я, наморщив лоб, — хочу тебя спросить. Я слышал...

Тут я понял, что не могу это произнести. Пока ехал — думал, это легко. А оказалось — нет.

Но надо было как-то закончить предложение. Да и узнать больше не у кого было.

— Некоторые люди, — неловко продолжил я, — говорят, что ты недалёкий. Что это значит?

Чойри наморщил лоб, а потом пожал плечами.

— Наверное, это значит, что я недалеко живу, — наконец сказал он. — Ну что, пошли чудо смотреть?

— Моя мама так говорит! — выпалил я неожиданно. — И мне кажется, это звучит как-то обидно.

— Твоя мама — умная женщина, — с уважением сказал Чойри, — она умеет слышать.

— Ага, Поветрия всякие, — проворчал я.

— Кто умеет слышать, может слышать не только Поветрия. Так моя мама говорила, — задумчиво сказал Чойри. — Ну, пойдём, пойдём скорее!

Он направился к пихте, я двинулся за ним.

Чойри всё-таки просто помешан на своих талюках. Думает, что у них есть разум. Но я давно заметил: людям нравится так думать. Когда мы бываем на экскурсии в Оранжерее и какой-то зверь поднимает голову, услышав смех ребят, то все сразу галдят, что зверь понимает человеческий язык. И пытаются с ним подружиться!

Я в это не верю. Я видел разных животных. Мало, но видел. У Илани был лемминг. Смешной зверёк! А его брату вообще оленёнка привезли.

Правда, когда животные выросли, их забрали в Оранжевую. Вообще-то их с самого начала должны были туда забрать, но отец Илани не учёный и не рабочий. Он путешественник, а им многое разрешается. Ведь они каждый раз рискуют жизнью, выбираясь из нашего Северного круга. По дороге их могут настигнуть розовая метель или ядовитый смерч, и они не доберутся до соседнего круга и не привезут новые формы жизни.

Формы.

Вот именно. Животные — это просто форма жизни. Как мои поделки. Я с ними иногда разговариваю, но в шутку же.

Животные только и думают о том, что им поесть и где поспать. Плевали они на людей. А уж жуки-талюки — и подавно! Им только пихту подавай, чтобы ползать по ней и что-то там с неё съесть.

То ли дело люди. Вот люди умеют дружить. Поэтому меня очень волновало, что маме не нравится Чойри. На пастбище здорово, но я бы хотел пригласить его в гости. Только понимаю: нельзя.

Мне страшно хочется с кем-то подружиться, но у меня пока не складывается. В детстве я дружил с Катри, дочерью Арлины, маминой подруги. Она лепила снежных зверей, а я делал для них крепости и замки. Потом девчонки ей сказали, что дружить с мальчиком глупо. И она перестала. Я пробовал дружить с Илани, но с ним рядом его старшие братья – то один, то другой. Втроём как-то не получалось дружить. Да и мама меня не очень пускает к кому-то в гости, боится, что дома больные. Так что я рад, что у меня есть хоть Чойри.

– Ну что ты там застрял?! – позвал он.

– Иду, иду. Ну?

– А, вот!

Чойри подошёл совсем близко к дереву.

– Привет! Привет! – сказал он талюкам, сгрудившимся на стволе.

– Отвечают? – хмыкнул я.

– Нет.

Я посмотрел на Чойри. Он что, понял наконец правду про талюков?

– Просто мы сегодня уже виделись, и они считают глупым здороваться дважды, – извиняющимся тоном сказал Чойри и, повысив голос,

добавил: — Но с моим другом вы могли бы поздороваться!

— Ты, Чойри, бываешь странным, — покачал я головой, рассматривая блестящие фиолетовые спинки.

Он не обиделся. Протянул руку, скovyрнул жука пальцем. Тот скатился в протянутую ладонь, перевернулся и смешно задёргал лапками.

— Прости, прости, — пробормотал Чойри, — сейчас.

Осторожно он развернул талюка. Потом торжественно посмотрел на меня.

— Готов?

— А зачем ты его снял? Он не умрёт без своей пихты? Папа говорит...

Но Чойри прижал палец к губам: «Ш-ш-ш».

А потом погладил талюка пальцем по спине. Ну, погладил — громко сказано. Просто приложил палец к спине жука, как будто тот был кнопкой на пульте. Но не нажимал, а просто держал.

— Чойри...

Он помотал головой. Я скривился, но замолчал. «Интересно, долго ждать?» — думал я. Учителя в школе говорят, я нетерпеливый. Ну да, наверное. Но я точно не буду пасти талюков. Сидишь

целый день, с жуками разговариваешь. Нет, я как папа буду. Буду убирать прожи...

Мои мысли оборвались.

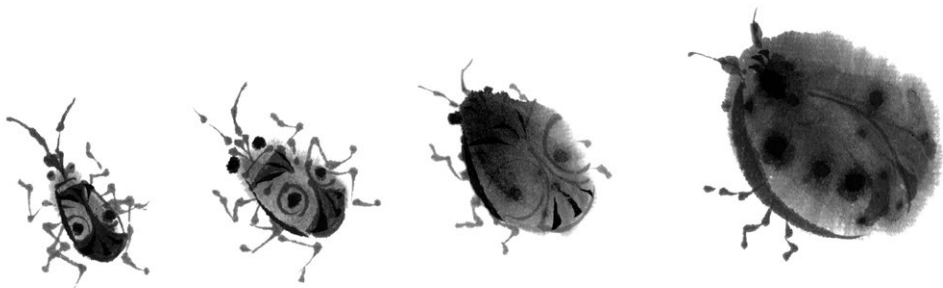
Талюк изменился. Стал больше. Рос прямо на глазах. Как... как... не знаю. Как воздушный шарик, который очень медленно надувают.

Вот из-под пальца Чойри показались его бока. Больше, больше... Вот он стал размером с кулак! Большой и – прозрачный... И правда – похож на сиреневый шарик.

– Что с ним? – не выдержал я. – Как ты это делаешь?

Чойри улыбнулся, но не ответил. Продолжал поглаживать жука по спине уже всей ладонью.

Я отшатнулся. Почему-то подумал, что жук может лопнуть. «Да ну, – тут же одёрнул себя, – Чойри единственный глаз отдаст, лишь бы талюки не страдали!»

— Он похож на медузу, — наконец тихо сказал Чойри.

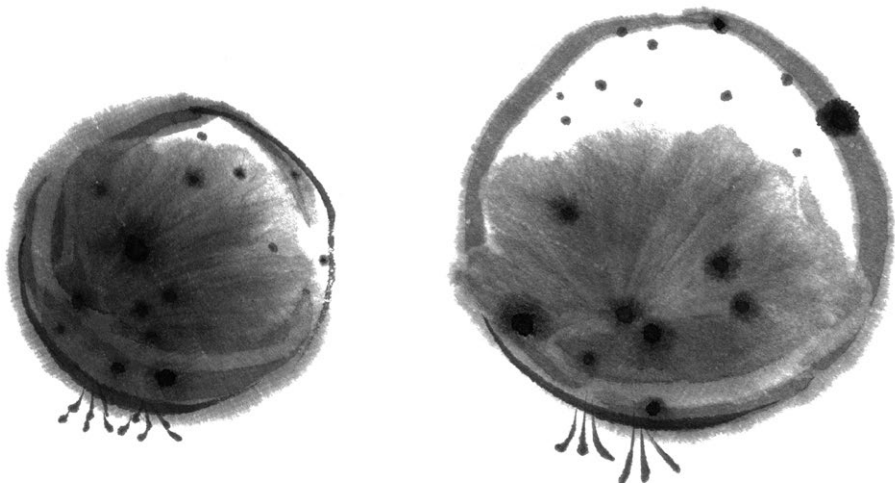
Жук чуть уменьшился, но Чойри снова погладил его со словами: «Я тут, тут».

— Я никогда не видел медуз, — сказал я, — это же древнее животное. Посмотрю вечером в учебнике. А как ты это делаешь?

— Я глажу его и думаю о том, какой он хороший и как я его люблю. Чем больше так думаю, тем больше он становится, — шёпотом, чтобы не беспокоить жука, ответил Чойри.

Я не отрывал глаз от талюка. Он блестел на солнце, переливаясь.

— А почему глаз не видно? А усы куда делись, почему не увеличились?

Чойри пожал плечами.

— Я не знаю. Но, мне кажется, ему сейчас хорошо.

— Можно я поглажу? — не выдержал я и потянулся к жуку.

— Только с добрыми мыслями, — предупредил Чойри.

Талюк оказался мягким и прохладным на ощупь. И правда — чудо из чудес! Как маленький, как мой ноготь, жучок мог превратиться в такой здоровый прохладный шар?! Он уже еле помещался на ладони Чойри.

— Он что, с меня ростом будет? — восторженно спросил я. — Слушай, так это открытие научное! Тебе надо учёным-зверологам сказать! Они тебя примут к себе.

Чойри вздрогнул, и жук вдруг уменьшился.

— Не надо! — воскликнул Чойри. — Я не хочу! Дин! Я прошу тебя! Не говори никому про талюков.

— Но...

— Дин! Пожалуйста!

— Почему, Чойри?!

— Они... учёные... начнут их мучить... А талюки пришли в наш мир порадоваться. Я очень сильно

не хочу, чтобы кто-то узнал о них! Я не хочу, чтобы кто-то забрал их у меня.

— А чего ты беспокоишься? — удивился я. — Их же всё равно нельзя уносить далеко от пихты.

Чойри посмотрел на меня долгим взглядом. Жук тем временем стал прежним. Чойри осторожно посадил его обратно на дерево.

— Ладно, я скажу, — проговорил наконец Чойри, уставившись на снег, — но учёные не должны об этом знать. Вот когда талюк такой большой... Его можно унести далеко.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовался я. — Ты же никогда не уносил талюков далеко от пихты.

— Да в том-то и дело... — глаз Чойри заблестел. — Я нечаянно, Дин. Я принёс сюда сумку с инструментами. Чистил дерево. Лечил его кое-где. А талюки... В общем, вчера я радовался целым пяти талюкам. Они сидели на дереве, раздувшись от моей радости.

— Когда они становятся большими, то чем держатся за дерево? — недоумевал я, приглядываясь к талюкам. — Лапки могут выдержать большой вес?

— Не знаю, Дин, — растерялся Чойри. — Наверное, могут выдержать. Но недолго, ведь один

из талюков упал в мою сумку. Я увидел это только в посёлке, в мастерской Малого Цоера. Ты знаешь его? Он сердитый! Младший брат Цоера. Сердитый, но умелый. У него магазин и мастерская. Я понёс ему инструменты на починку. Открыл сумку — а он там сидит. Не Цоер, талюк. Я испугался. А талюк... Он просто сидел в сумке. Я очень испугался, Дин. Я мог положить на него пилу и раздавить его. Но с ним ничего не произошло. Он просто сидел. Но когда я расстроился, он стал уменьшаться. Тут я испугался по-настоящему, Дин. И очень крепко себя взял за шею. И сдавил вот так. — Он показал. — Я велел себе: надо радоваться! И погладил скорее своего талюка. Чтобы он не уменьшился. Потому что маленькие — они умирают вдали от пихты. Малый Цоер закричал на меня: «Что ты копаешься? Давай свои инструменты! Сейчас придут другие клиенты!» Он не похож на своего брата. Большой Цоер добрый, он дал мне работу. Я боюсь Малого Цоера, он громко кричит. Я схватил сумку и побежал к себе. Так что Малому пришлось очень долго мне кричать вслед. Жалко его...

— Так с ним ничего не произошло? — спросил я в волнении. — С талюком?

— Нет, нет, он в порядке. Где-то тут, — слабо улыбнулся Чойри и показал на своё стадо.

— А я видел мальчика твоих зим, — сказал вдруг Чойри, подавая мне чашку с ореховым молоком, когда мы позже грелись у огня на его стойке.

— Где? — насторожился я.

Мальчишки в наших местах редко ходят поодиночке. Обычно группами. Никогда никто не знает, как поведёт себя снег над прожилкой. «В наше время надо за всеми приглядывать» — это указание Большого Цоера относилось ко всем. Вот мама и отговаривала меня утром.

— С той стороны леса, — показал Чойри, — там деревья погуще.

— И прожилок больше, — пробормотал я.

— Хочешь, завтра сходим туда? Поговоришь с ним. Тебе нужен друг твоих зим, чтобы гонять с ним на лыжах. Я-то никуда от талюков отойти не могу.

Я с подозрением посмотрел на Чойри. После того как он показал мне чудо, он стал больше суетиться вокруг меня. Ореховое молоко налил с самого дна, пожирнее. Химмёда аж три ложки бабахнул. Он как будто меня боялся.

– Слушай, Чойри, – сказал я, – я не расскажу учёным о чуде. Не психуй.

– Правда? – вскинул он голову.

– Ну конечно!

– Хорошо... А на ту сторону леса надо нам с тобой сходить. Завтра.

Я кивнул. Никто не мешает мне сходить туда с Чойри завтра. Второй раз. Потому что первый раз я схожу туда сам. Сегодня.